

0-798011

На правах рукописи

ШАОВ Асфар Аскерович

**ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
КАК ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ:
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Краснодар
2012

*Работа выполнена в ФГАОУ ВПО
«Южный федеральный университет»*

Научный консультант:

Волков Юрий Григорьевич
Заслуженный деятель науки РФ
доктор философских наук, профессор,
директор Института по переподготовке
и повышению квалификации ФГАОУ ВПО
«Южный федеральный университет»

Официальные оппоненты:

Савченко Людмила Алексеевна
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической
социологии ФГАОУ ВПО
«Южный федеральный университет»;

Гриценко Василий Петрович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и политологии ФГБОУ ВПО
«Краснодарский государственный
университет культуры и искусств»;

Нечипуренко Виктор Николаевич
доктор философских наук,
профессор кафедры социальной работы
и экономики Филиала ГОУ ВПО
«Российский государственный
социальный университет» в г. Батайске

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»**

Защита состоится «_____» октября 2012 г. в _____ на заседании диссертационного совета ДМ 203.017.01 по философским и социологическим наукам в Краснодарском университете МВД России (350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128, зал заседаний диссертационного совета).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Краснодарского университета МВД России (350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128).

Автореферат разослан «_____» сентября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.Г. Черников

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000741660

Актуальность исследования. Важность социально-философского исследования становления и развития человека экономического в идеологическом пространстве западноевропейского общества обусловлена социокультурным контекстом современности. Специфика данного контекста определяется такими характерологическими чертами, как динамичность происходящих изменений в общественном развитии, их нелинейность и неоднозначность. Особенно это касается российского общества, в котором все более усугубляющийся системный кризис требует многопланового анализа его особенностей, а нахождение способа выхода из него зависит не только от качественного анализа проблем российского, но и западноевропейского общества. Эта зависимость объясняется рядом факторов. Во-первых, в основу культурной политики в России положен тезис о единстве русской и западноевропейской культур. Во-вторых, исторически между Россией и Западной Европой сложились тесные связи в области экономики, искусства, права и их творческое переосмысление может предстать как один из способов создания единого европейского сообщества. В-третьих, многие общественные западноевропейские достижения были восприняты и интегрированы в российское общество. Таким образом, социально-философский анализ становления и развития человека экономического в идеологическом пространстве западноевропейского общества «...должен быть для нас побуждением и средством к сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов. Мы отстоим себя, а если отстоим, то, значит, и зацветем новой жизнью»¹.

Собственно, акцент на исследовании именно человека экономического обусловлен тем, что дает возможность адекватно определить духовное содержание каждого народа, правильно оценить его культурное своеобразие и перспективы дальнейшего общественного развития. Поэтому во многом данная проблематика затрагивает непосредственно Россию, где на первый план выдвигается формирование национальной идеи, историческое самосознание российского народа и сохранение его идентичности с опорой на собственную социоантропологическую модель в контексте взаимодействия универсального и национального начал в культуре. Кроме того, корреляция идей глобализма и доктрин Просвещения говорит о том, что оба эти явления находят продолжение друг в друге, имеют общую, более глубокую связь и причину, а именно – зарождение нового экономического архетипа, которому в качестве генетически родственных по своей сути элементов соответствуют основные черты просвещенческого мышления, связанного с величайшим достижением человеческой мысли, «слишком человеческой». В итоге это привело к процессу духовного раскрепощения, когда энтропийность смысла, морали, логики и эстетики теряет связь как с трансцендентными ценностями, так и с общими социальными явлениями.

¹ Страхов Н.Н. Мир как целое: черты из наук о природе. – М.: Айрис-Пресс, 2007. – С. 344.

Изучение человека экономического как идеальной модели личности в триаде экономика-искусство-право предопределяется тем, что идеология «человека экономического», прославляющая утилитарные потребности с его культом полезности, устраняет стремление индивидов к общей социальной цели, ибо каждый человек претендует на то, что его интересы и потребности наиболее верны, по той простой причине, что полезны ему. Как результат, в Западной Европе сформировалась специфическая, множественная действительность, исключившая из идеологического пространства европейской культуры историю духовных исканий человечества как единого в своем самодвижении. В этой связи становится значимой направленность социально-философского анализа на актуализацию задач переоценки и переосмысления принципов конструирования идеологического пространства европейской культуры в триаде экономика-искусство-право. Данные сферы жизнедеятельности выбраны диссертантом как наиболее чувствительные к ценностным ориентациям той или иной эпохи с их этическим отношением к человеку, что не просто задает вектор научного поиска, но и наполняет его новым смыслом.

Таким образом, при социально-философском исследовании становления и развития человека экономического в идеологическом пространстве западноевропейского общества возникает возможность создания социоантропологической модели «человека экономического». Данная модель может трактоваться как идеальная модель личности в силу того, что обладает, в отличие от свободной от каких-либо этических конвенций модели человека, лежащей в основе экономических теорий, аксиологическим измерением. Кроме того, наличие аксиологического измерения дает возможность объяснять мировоззренческие установки людей в идеологическом контексте определенной эпохи.

Соответственно, социально-философское осмысление человека экономического в идеологическом пространстве западноевропейского общества приобретает в этом контексте архиважное значение, поскольку позволит не только создать новую идеальную модель личности, но и, вскрыв закономерности ее становления и развития, применять в контексте новых исторических условий.

Степень научной разработанности темы. Современная наука располагает значительным объемом эмпирических и теоретических знаний по разным аспектам проблемы, выбранной автором для диссертационного исследования.

Так, в *ростовской научной школе* был выполнен ряд исследований по смежным проблемам, а именно: анализ базового (А.В. Швец) и нормативно-го (А.В. Лубский) типов личности, социальная природа личности и смысл ее существования (И.В. Ватин), проблемы национальной идентичности в современном обществе (Д.Н. Бадырцев). Анализ роли идеологии в современном обществе с гуманистической позиции дан в монографии В.С. Малицкого. Впервые в отечественной научной мысли в монографии Ю.Г. Волкова определено влияние идеологии на формирование сущности российской идентично-

сти. Также были рассмотрены такие вопросы как проблемы (В.Д. Байрамов) и специфика современного общества (З.М. Хачецуков) в контексте процессов взаимодействия социальных структур и институтов (В.А. Кирик), типы взаимоотношения личности и общества (Е.Р. Ашибокова) и идеологическая идентичность в современном российском обществе (В.А. Гладышева).

Отдельные составляющие обозначенной автором проблемы – исследование человека экономического как идеальной модели личности в идеологическом пространстве западноевропейского общества достаточно подробно разрабатывались в рамках научной мысли: *личность и идеальная модель личности; человек экономический; идеология; общество и анализ специфики западноевропейского общества.*

Личность и идеальная модель личности. В социально философской научной литературе сущность личности рассматривается сквозь призму дуализма как ее характерологического свойства: страсть – этика (Р. Декарт, Локк, Спиноза); воля-представление (А. Шопенгауэр), сознательное–бессознательное (Э. Гартман, В.С. Ротонберг), бытие–существование (С. Кьеркегор). Кроме того, результаты исследования взаимодействия личности с обществом, выявления и анализа ее сущности могут значительно отличаться в зависимости от выбранного подхода. Так, личность может рассматриваться как физическое тело – одно из множества образований материального мира (объективистский подход (К. Маркс, Ф. Энгельс)); как идеальное образование, противостоящее материальному посредством аксиологической системы (субъективистский подход (Ж.-П. Сартр, А. Камю); личность как результат взаимодействия с социумом и обретаемая, или не обретаемая, в процессе данного взаимодействия подлинная человечность (синтезирующий подход (Э. Фромм)). Некоторые авторы, делая акцент на среднем положении личности между «двумя противоположными бесконечностями, бесконечностью в великом и бесконечностью в малом» (М.А. Антонович, К.С. Гаджиев, В.И. Кузнецов), не дают решения данной проблемы, останавливаясь на ее обозначении, что, безусловно, не умаляет значимости их исследований. При этом, в зависимости от степени подверженности влиянию общества, в философском научном знании определены два типа личности: нормативный и модальный (А.В. Лубский). Кроме того, при взаимодействии в системе «общество (К. Маркс, Ф. Энгельс)– личность (В. фон Гумбольдт)», были выделены социальные факторы, которые оказывают влияние как на собственно процесс, так и на результат этого процесса. Эти же факторы оказывают важное влияние и на социально-экономические трансформации в обществе (И.А. Батанов, В.В. Локосов). Проблемы бытия личности рассмотрены в разных аспектах в трудах таких выдающихся ученых, как В.Н. Брюшинкин, Ю.Г. Волков, В.С. Поликарпов, А.М. Ковалев, С.А. Левицкий, М.К. Мамардашвили, В.А. Ядов. В результате анализа составляющих общества (Дубровский Д.И., Тен Ю.П.), характера взаимоотношений личности и общества (Бандурин А.П., Уорф Б.), структуры и струк-

турных элементов общества (Гусев С.С., Парсонс Т.), социально-философских оснований процесса формирования инновационной личности (П.Г. Рудаков) ученые приходят к противоречивым выводам, которые, однако, коррелируются с результатами, полученными в естествознании (О.А. Ахвердова и И.В. Боева – типы и свойства нервной системы как основа индивидуально-психологических различий; А.П. Анохина и И.В. Равич-Щербо – генотип и генотип-средовые отношения как главные в развитии личности). Таким образом, исследования в социально-философском научном знании личности, ее взаимоотношений с обществом, типов (моделей) личности не включают в себя исследование идеальной модели личности человека экономического.

Человек экономический. Исследование человека в контексте экономических отношений берет начало в философской мысли Древней Греции. В частности в труде «Политика» Аристотель указывает, что экономика («хрематика») представляет собой «искусство наживать» и выступает как важный показатель эффективности управления на всех уровнях, включая государственный и личный. В дальнейшем исследование личности в контексте экономических отношений в философии происходило сквозь призму морали (И. Кант, И.Г. Фихте). Г.В.Ф. Гегель критиковал данную моралистическую узость, так как, с его позиции, экономика – элементарный способ проявления деятельности личности в обществе. Во второй половине XIX века философское осмысление экономики и экономических составляющих достигло критической массы, что позволило выделиться в отдельную научную дисциплину такой дисциплине, как экономическая философия, которая и занялась исследованием фундаментальных законов и тенденций теоретико-экономической и хозяйственно-практической деятельности человека. При этом в качестве главного фактора, инициирующего исследования философско-экономических изысканий, стали экономические противоречия капиталистического общества, впервые рассмотренные К. Марксом и Ф. Энгельсом, определивших товар как главный символ капитализма. Данная позиция, как полагает В. Вильчек, была ошибочной, так как символом капитализма выступает «машина-двигатель». Дальнейший качественный уровень в социально-философском понимании экономических составляющих в функционировании общества и управления был достигнут благодаря работе С.Н. Булгакова «Философия хозяйства», в которой он, рассматривая экономический вид деятельности как творческий процесс, предоставил обоснование важности формирования системного философско-экономического мировоззрения, поскольку только духовное начало может сформировать системное и истинное экономическое бытие. На такой же позиции стоял и И.А. Ильин, полагавший, что экономическая жизнь и личности, и общества связана с культурой, центром которой выступает духовность, опредмеченная в актах экономической (и других видах) деятельности. Также формированию социально-философского и социолого-экономического

стиля мышления способствовали труды таких ученых, как Д. Белл, М. Вебер, Дж. Гэлбрейт, П. Самуэльсон, П.А. Сорокин, Ф. Хайек. Многие авторы в последующем многоаспектно рассматривали и проблемы философско-экономической гносеологии, и вопросы философско-экономической онтологии, а именно: существование взаимосвязи между этико-психологическими и хозяйственно-экономическими факторами (М. Вебер); роль нравственно-религиозных факторов в развитии экономики (Э. Дюркгейм); обнаружение «духа хозяйственной эпохи» (уклада хозяйственного мышления), определяющего и тип экономической системы, и весь социальный базис на отдельных этапах эволюции общества (В. Зомбарт); значение экономической культуры в системе общественного производства (И.М. Миннегалиев); научные представления и модели общества потребления (А.В. Овруцкий). То есть, исследования экономических составляющих в жизнедеятельности общества фактически представляют собой проекцию основного вопроса философии на экономические процессы.

Идеология. Содержание идеологии, а также ее структура в социально-философском научном знании рассматривалась рядом авторов как на феноменологическом уровне (Р.А. Троско), так и в контексте специфики современного российского общества (Ю.В. Беридзе). Кроме того, достаточно большое внимание уделялось рассмотрению изменений, происходящих под воздействием социокультурных факторов, а именно: институциональные факторы формирования политической идеологии (А.Е. Шербаков); смысловая динамика идеологием советской эпохи (Т.А. Кутенева); идеологии в рамках феноменологической традиции (Р.А. Юрьев); идеология в системе культуры (Г.П. Хорина); трансформация идеологии в искусстве и через него (А.С. Попов). Также идеология рассматривается как инструмент регуляции поведения личности в контексте социально-политических условий (В.С. Малицкий – роль идеологии в современном мире) и способы ее применения при воздействии на сознание личности, групп (С.Г. Кара-Мурза, С. Смирнов – практические способы воздействия на сознание), масс (С.В. Володенков – информационно-психологическое воздействие на массовое сознание). Специфика идеологии в российском обществе, являясь отдельной научной проблемой, также рассматривалась многогранно. В частности были обозначены и решены такие вопросы, как роль и место идеологии в формировании российской идентичности (Ю.Г. Волков); особенности трансформации сознания русского народа в процессе реформ XX века (В. Колесов); специфика русской цивилизации и русского культурного архетипа (А.В. Лубский); существующие на современном этапе развития общества в российской политике технологии воздействия на сознание групп населения (В.П. Пугачев), особенности эволюции массового сознания россиян (Н.А. Ореховская). Таким образом, идеология рассматрива-

лась в социальной философии в двух основных аспектах – как социокультурный феномен и как инструмент управления на всех уровнях жизни общества.

Общество как социокультурный феномен и анализ специфики западноевропейского общества. Данная проблема, включая в себя два подвопроса – общество как социокультурный феномен и специфика западноевропейского общества в социально-философском научном знании, была рассмотрена весьма подробно. Это объясняется тем, что выступая одной из главных проблем социально-философской и общественной мысли, проблема соотношения культуры и общества, общества и личности попадала в поле зрения практически всех мыслителей и России, и Запада. Так, изначально анализ становления того или иного типа (модели) личности производился только в рамках конкретного типа общества, не зависимо от его местонахождения (западное (О. Шпенглер, А. Швейцер, Э. Фромм) или российское общество (Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк)), но без их сопоставления. Например, как исключительно проблема западного общества на завершающей стадии индустриального развития представлена проблема «одномерного общества» – «одномерного человека», «массового общества» – «человека-массы» (Х. Ортега-и-Гассет), а также духовный кризис как результат развития западного общества по избранной модели (Й. Хейзинга). Последствиям духовного кризиса и изменениям, произошедшим в современном западном человеке под их воздействием, посвящены труды Д. МакКлеланда, Р.К. Мертсона, Д. Миллса, Д. Рисмэна, Э. Фромма. Кроме того, исследования общества включали в себя такие составляющие, как анализ структуры общества (О.С. Мантуров); генезис концепции информационного общества (В.А. Ижболдин); цивилизационная специфика общества (А.Ю. Курпьянов). Также были рассмотрены ценности и факторы, влияющие на трансформацию общества: ценности и их формирование в общественном сознании (М.А. Евсеев, З.И. Латыпова); факторы процесса консолидации (О.С. Щукина); глобализация как фактор трансформации современных обществ (С.Р. Петросян). Изучение специфики западноевропейского общества в социально-философском научном знании концентрировалось вокруг выявления общего и частного в социально-философских основаниях европейского и иных обществ (Ю.В. Карлсон, М.С. Ашилова, М.А. Бондарчук), анализе концепций конвергентных нормативно-ценностных пространств (С.С. Кладько) в контексте национальной идеи как факторе самоопределения общества (Р.А. Финк).

Вывод. Исходя из вышеизложенного, новизна темы исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, в рамках социально-философских исследований рассматривались вопросы, связанные с исследованием личности и идеальной модели личности, человека экономического, идеологии, общества как социокультурного феномена и специфики западноевропейского общества, но концепции человека экономического как идеальной модели личности создано не было. Во-вторых, отсутствуют исследования, непосредственно посвящен-

ные анализу предпосылок формирования данной модели. В-третьих, поднятая в социологическом и философском научном знании проблема человека экономического в контексте идеологии требует серьезного научного изучения как единого целого с социокультурными феноменами жизни общества.

Следовательно, новизна и значимость данного исследования обусловлена отсутствием в научной литературе концепции человека экономического как идеальной модели личности, а также, естественно, не исследованы и предпосылки, факторы становления и специфика ее развития. Кроме того, в современном научном дискурсе нет единства мнений по поводу детерминирующих свойств идеологического пространства западноевропейского общества, обеспечивающих формирование данной идеальной модели личности. Все это придает теме диссертационного исследования проблемный характер.

Цель исследования – создание социально-философской концепции человека экономического как идеальной модели личности в идеологическом пространстве западноевропейского общества.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

– провести в контексте теоретических подходов и парадигм социально-философский анализ сущности и основных этапов становления модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества;

– разработать методологический конструкт исследования модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества;

– выявить особенности социально-философской эволюции идеологии ростовщического капитала в западноевропейском обществе и его роль в становлении модели «человека экономического»;

– определить специфику трансформации модели «человека экономического» в пространстве западноевропейского общества под воздействием ссудного процента как идеологической интенции капитализма;

– установить социокультурные последствия глобального капитализма для развития модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества;

– выявить особенности социально-философской эволюции модели «человека экономического» в идеологическом пространстве искусства Средневековья;

– определить специфику трансформации модели «человека экономического» в идеологическом пространстве искусства эпох Возрождения и Просвещения;

– установить социально-институциональные механизмы воспроизводства модели «человека экономического» в идеологическом пространстве современного западноевропейского искусства;

– выявить социально-философские проблемы эволюции идеологии правовой системы в эпоху Средневековья и ее влияние на становление модели «человека экономического»;

– определить специфику трансформации модели «человека экономического» в эпоху Возрождения и Просвещения как результат изменений в идеологическом пространстве правовой системы;

– установить социокультурные последствия изменений в идеологическом пространстве правовой системы для развития модели «человека экономического» в современном западноевропейском обществе.

Объект исследования – человек экономический в идеологическом пространстве западноевропейского общества.

Предмет исследования – специфика становления и развития человека экономического как идеальной модели личности в идеологическом пространстве западноевропейского общества.

Гипотеза диссертационного исследования. Социально-философская концепция человека экономического как идеальной модели личности в идеологическом пространстве западноевропейского общества представляет собой некое знание о модели человека, как в основе экономических теорий, свободной от каких-либо этических конвенций и раскрывающей область допустимых значений, в которой применимы выводы этих теорий, но включает в себя аксиологическое измерение. Аксиологическое измерение социально-философской концепции человека экономического как идеальной модели личности представляет возможность объяснить мировоззренческие установки личности, групп, масс в идеологическом контексте определенной эпохи. Основанием концепции человека экономического как идеальной модели личности выступает идеология Просвещения, в которой наиболее ярко выражена убежденность в решающей роли разума и науки в познании «естественного порядка», соответствующего подлинной природе общества с его ориентацией на неограниченный рост материального благосостояния. Трансформация традиционных ценностей западноевропейской культуры последовательно отражается в наиболее значимых социальных сферах: инструментальной – экономике, институциональной – праве и символической – искусстве, в совокупности определяя специфику идеологического пространства. И именно данные составляющие – право, экономика, искусство – оказывают решающее воздействие на особенности проявления человека экономического как идеальной модели личности в идеологическом пространстве западноевропейского общества.

Теоретико-методологическая основа исследования. Одним из основных положений при создании социально-философской концепции человека экономического как идеальной модели личности в идеологическом пространстве западноевропейского общества выступает представление о социальной природе человека, соединяющей в себе одновременно и материальное, и идеальное.

Работа написана в неоклассической парадигме. Методологическую базу исследования определяют системный и эволюционный подходы, применяемые при решении задач исследования как генетический метод в сочетании со структурно-функциональным анализом при реконструкции родословной идентичности и как системно-историческое видение объекта в диалектическом единстве с логикой его зрелых форм, а также комплексный подход, включающий в себя культурологический, диалектический, онтологический методы, методы историзма и объективности. На промежуточных этапах использовался метод феноменологического анализа.

В качестве основных методов в исследовании применялись структуралистский, рефлексивный, компаративистский методы. Так структуралистский метод позволил рассматривать теоретико-методологические основы исследования модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества сквозь призму идеологии как формообразующего принципа культурно-исторического своеобразия эпохи. Компаративистский метод применялся при создании модели человека экономического как идеальной модели личности, а также при реконструкции процесса становления и развития модели «человека экономического» в идеологическом пространстве экономики, права, искусства западноевропейского общества. В рамках компаративистского метода применялся индивидуализирующий тип сравнения, предполагающий сравнение особенностей каждой из составляющих идеологического пространства в широком смысле как особенность и предполагающий восхождение от особенного – специфика составляющих идеологического пространства – к общему (модель «человека экономического» как идеальная модель личности). В работе также широко используется историко-философская методология, основанная на сравнительно-историческом и познавательном-ценностном подходах. В исследовании применяются общенаучные методы систематизации и классификации, а также методы единства логического и исторического, структурно-функционального, позволяющие более глубоко рассмотреть основные исторические этапы эволюции «человека экономического».

В работе использовались общенаучные принципы, применение которых обеспечило научность и достоверность полученного знания, а именно: системности, соответствия, полноты, дополнительности, непротиворечивости, детерминизма, верификации, а также плюрализма и междисциплинарности. Данные принципы применялись в рамках социально-критической стратегии, которая позволила при проведении социально-философского анализа человека экономического как идеальной модели личности в идеологическом пространстве западноевропейского общества акцентировать внимание на ее социальной природе и практической значимости.

Теоретическую основу данного исследования составили труды по социальной философии, а также достижения в области человекознания отечественных

и зарубежных ученых. Вследствие того, что вопрос о человеке экономическом является междисциплинарным, автором использовались труды по данной проблеме в экономике, праве, философии искусства, философии права.

В исследовании сознательно оставлены за рамками вопросы специфики воздействия и участия социальных институтов и органов управления, чтобы избежать историзма и субъективистской направленности, поскольку и так в силу неразработанности данной проблемы в социальной философии приходилось использовать источники по экономике, праву, философии искусства и права. Соответственно, данное исследование и есть попытка восполнить этот пробел в научном знании.

Достоверность данных, полученных в работе, обеспечивается научно-методологической обоснованностью базы исследования, применением комплекса методов к целям и задачам работы, соотносением полученных результатов с результатами исследований иных авторов.

Научная новизна исследования определяется совокупностью задач, направленных на изучение в социально-философском контексте возможности создания концепции человека экономического как идеальной модели личности в идеологическом пространстве западноевропейского общества, решение которых нашло свое выражение в следующих результатах:

- произведена в контексте теоретических подходов и парадигм социально-философского анализа сущности и основных этапов становления модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества; эксплицирована сущность и основные этапы формирования человека экономического через призму идеологического пространства европейской культуры;

- разработан методологический конструкт исследования модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества; определено, что ядром модели «человека экономического» выступает аксиологическое измерение, принимающее различные формы в зависимости от этапа развития, на котором находится общество;

- выявлены особенности социально-философской эволюции идеологии ростовщического капитала в западноевропейском обществе; определено, что роль ростовщического капитала как социальной реалии в становлении модели «человека экономического» заключается в формировании утилитарно-гедонистических ценностей;

- определена специфика трансформации модели «человека экономического» в пространстве западноевропейского общества под воздействием ссудного процента как идеологической интенции капитализма, который выступил в качестве инструмента идеологической власти и влияния, сформировавшего капиталистически хозяйственный образ мыслей, итогом которого стала радикально-казуистическая смена цивилизационной парадигмы европейской культуры;

– установлены социокультурные последствия глобального капитализма для развития модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества, которые заключаются в разрушении религиозных и связанных с ними политических, экономических, правовых структур и, как следствие, освобождении привилегированных капиталистических сил;

– выявлены особенности социально-философской эволюции модели «человека экономического» в идеологическом пространстве искусства Средневековья, центральной из которых выступает лишение проблемы смысла существования трансцендентного измерения;

– определена специфика трансформации модели «человека экономического» в идеологическом пространстве искусства эпох Возрождения и Просвещения, заключающаяся в потере религией роли идейного вдохновителя;

– установлены социально-институциональные механизмы воспроизводства модели «человека экономического» в идеологическом пространстве современного западноевропейского искусства: усиление влияния светского искусства, последовательное разрушение структур традиционных мировых религий, масштабная интервенция со стороны секулярной системы искусств, направленная на социально-институциональные регулятивы и культурные ценности западного общества;

– выявлены социально-философские проблемы эволюции идеологии правовой системы в эпоху Средневековья и ее влияние на становление модели «человека экономического», заключающиеся в параллельном сосуществовании в Средневековой Европе множества правовых систем;

– определена специфика трансформации модели «человека экономического» в эпоху Возрождения и Просвещения как результат изменений в идеологическом пространстве правовой системы: юридическое обоснование происходящих изменений в онтологическом, аксиологическом, гносеологическом, сущностном аспектах правовой нормативности;

– установлены социокультурные последствия изменений в идеологическом пространстве правовой системы для развития модели «человека экономического» в современном западноевропейском обществе, результатом которых стало сведение всех общественных фактов к универсуму измеряемых вещей, включая превращение в вещи и людей.

Научная новизна исследования конкретизирована в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Социально-философский анализ в контексте теоретических подходов и парадигм, сущности и основных этапов становления модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества показал, что у большинства из них базовым основанием является априорная установка, заключающаяся в том, что потребность в идеологии принадлежит

к числу фундаментальных и универсальных потребностей как личности, так и общества в целом. При этом сущность идеологии заключается в том, что идеология представляет собой необходимую составляющую социального бытия, независимо от того, выступает в качестве носителя идеологии отдельный человек, этнос, нация или человечество в целом. Основные этапы становления модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества – Средневековая Европа, эпоха Возрождения, эпоха Просвещения – фактически совпадают с этапами развития общества в силу того, что каждый историко-культурный тип общества создает свойственное ему идеологическое пространство, особый способ ее формирования и функционирования на уровне коллективного и индивидуального сознания.

2. Методологический конструкт исследования модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества включает в себя концептуализацию модели «человека экономического» в контексте базисных понятий исследования: «человек экономический», «идеология», «пространство», «идеологическое пространство», «общество». Применение интегративного подхода как основания социально-философского исследования позволило создать модель «человека экономического». При этом внимание акцентируется на социальной природе данной модели, с одной стороны, и практической значимости, с другой. Ядром модели «человека экономического» является аксиологическое измерение, принимающее различные формы в зависимости от этапа развития, на котором находится общество, и предоставляющее целостную картину мира, акцентируя внимание на месте и роли человека в этом мире, стимулируя, направляя человеческое поведение и консолидируя при этом действия людей и общества.

3. Особенности социально-философской эволюции идеологии ростовщического капитала в западноевропейском обществе заключаются в том, что оно способствовало ослаблению христианской этики и, как следствие, последующей легализации, а затем и распространению ссудного кредитования в системе капиталистического хозяйствования Западной Европы. Роль ростовщического капитала в западноевропейском обществе в становлении модели «человека экономического» определяется тем, что его распространение как социальной реалии способствовало формированию утилитарно-гедонистических ценностей, ставших в последствии ядром идеологии человека экономического.

4. Специфика трансформации модели «человека экономического» в пространстве западноевропейского общества под воздействием ссудного процента как идеологической интенции капитализма определяется тем, что отличительной чертой возникновения капитализма в европейской цивилизации являются не столько масштабы распространения рынка, сколько ведущая роль в нем ссудного процента, постепенное распространение которого привело к идеологическому кризису традиционных ценностей христианской Европы.

Произошло изменение социальной «статичности» средневекового общества, выражающееся в теократической общественной иерархии с его внутренними кодифицируемыми и канонизированными процессами, касающимися отношений отдельного человека к Богу. Понадобился ссудный капитал в качестве инструмента идеологической власти и влияния, сформировавший капиталистически хозяйственный образ мыслей, итогом которого стала радикально-казуистическая смена цивилизационной парадигмы европейской культуры.

5. Социокультурные последствия глобального капитализма для развития модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества заключаются в том, что секуляризм постепенно разрушил религиозные и связанные с ним политические, экономические, правовые структуры, высвободив крупные материальные экспансии в виде преуспевающих и привилегированных капиталистических сил, которые и были главным фактором в создании современного капитализма. Капитализм также стал причиной не только нового типа экономики, но и нового образа жизни со свойственной ему утилитарной праксиологией, а главное, придал всему этому, вместе взятому, глобальное измерение. Кроме того, капитал не мог более подчиняться национальным условиям и, как следствие, произошла его эмансипация от государственных юрисдикций: источники уверенности меняются местами – от национально-государственного к глобальному, где государственно-нормирующая деятельность уступает глобальному транзакционному мировоззрению homo oeconomicus, под воздействием которого окончательно все человеческие отношения сведены к купле-продаже.

6. Особенности социально-философской эволюции модели «человека экономического» в идеологическом пространстве искусства Средневековья заключаются в том, что, начиная с эпохи Ренессанса, проблема смысла существования лишается трансцендентного измерения. В результате основные проблемы искусства связываются с текущим моментом, с модерностью, границы текущего сужают масштабы задач искусства в пространстве и времени, порождая ситуацию автономности художника от церковно-литургических обязательств, предельная эмансипация которого выражается в отстаивании права на художественное творчество как вполне независимую и самодовлеющую деятельность, не подчиненную никаким религиозным или моральным ценностям. Искусство начинает принимать различные формы и тенденции, в которых отражаются уже не абсолютные и вечные ценности, а чувственные самодостаточные истины, ориентированные на материальные блага земной жизни человека экономического.

7. Специфика трансформации модели «человека экономического» в идеологическом пространстве искусства эпох Возрождения и Просвещения определяется тем, что идейным вдохновителем эпохи Возрождения и Просвещения выступает не религия, как в эпоху Средневековья, а искусство. Хотя влияние

религии еще сохранялось, но быстрый экономический подъем в отдельных европейских городах привел к расцвету искусств. Именно в сфере искусства созрели и воплотились главные духовные принципы данной переломной эпохи: гуманизм и прогресс, человеческая чувственность и телесная красота, утверждение единства человека и природы. В искусстве, как своеобразной идеальной модели смогли в этот период проигрывать и утверждаться зачатки воззрений человека экономического, взорвавших впоследствии религиозное мировосприятие. Все это знаменует этический и эстетический переворот в культурном западноевропейском сознании, где все священное доведено до карнавалного предела, где уравнивается трансцендентность красоты и имманентность плотской наготы и приоритет в спасении мира отдается последнему.

8. Социально-институциональные механизмы воспроизводства модели «человека экономического» в идеологическом пространстве современного западноевропейского искусства включают в себя: усиление влияния светского искусства в связи с появлением первых проявлений «человека экономического», со временем успешно преодолевшего трансцендентность религиозной нравственности и постепенно пришедшего к чистой эстетизации искусства, без какой-либо нравственной опоры; последовательное разрушение структур традиционных мировых религий через освобождение эстетического сознания из-под религиозного влияния; масштабная интервенция со стороны секулярной системы искусств и всепоглощающего духа экономики, направленная на социально-институциональные регулятивы и культурные ценности западного общества.

9. Социально-философские проблемы эволюции идеологии правовой системы в эпоху Средневековья и ее влияние на становление модели «человека экономического» включают в себя: параллельное сосуществование в Средневековой Европе множества правовых систем: церковное каноническое право с христианскими судами и иерархическая светская юрисдикция: королевский суд, суды сеньоров, суды общин (городов), корпораций, торговые суды. Кроме того, признавалась безусловность того, что универсум, общество и люди есть наглядное выражение духовного представления об их креации Божественным Провидением и управлении посредством установленного законом порядка. Третьей социально-философской проблемой эволюции идеологии правовой, оказавшей влияние на становление модели «человека экономического», является то, что, несмотря на то, что в схоластике того времени признавали существование трех источников права: *jus positivum* (римское право), *jus naturale humanorum* (эллинстическая естественно-правовая идея), *jus divinum* (право Божественной воли), именно последний источник права обуславливал культурно-исторические особенности правовой системы, формирующие идеологическую структуру Средневековой Европы в силу своего доминирования над остальными, поскольку его непосредственно выводили из Божественного познания.

10. Специфика трансформации модели «человека экономического» в эпоху Возрождения и Просвещения определяется изменениями в идеологическом пространстве правовой системы. Секулярный мир человека экономического требовал юридического обоснования происходящих изменений, где онтологический, аксиологический, гносеологический и сущностный аспект правовой нормативности, этапы ее становления и развития есть генезис права как прогрессирующей эволюции содержания, объема, масштаба и меры свободы, равенства и справедливости. Исторически в силу своей специфики право выступает как эффективное средство управления обществом. Соответственно, регулирование правовой системы Западной Европы в эпоху Возрождения и Просвещения нередко рассматривается в качестве установления правовых предписаний и их обеспечения государством. Концентрация капитала в руках нарождающейся буржуазии имела большое политико-правовое значение, что впоследствии привело к необходимости обновления правовых структур как в области права, так и относительно канонического права. Итогом развития данного процесса является превращение работников в пролетариев, а условий труда – в капитал. Путем централизации капитала устанавливается правовой контроль над ним, который и позволяет концентрировать его в руках немногих собственников.

11. Социокультурные последствия изменений в идеологическом пространстве правовой системы для развития модели «человека экономического» в современном западноевропейском обществе определяются тем, что правовые отношения в условиях экспансии глобального капитализма, возникшая из экономических отношений частной собственности, обслуживают эти отношения, представляя как необходимая форма их выражения и существования. Такое последовательное экономическое изменение права привело к ряду взаимосвязанных последствий, когда предшествующее порождает последующее. Доминирование в обществе рыночных ценностей, ориентированных на человека экономического, привело к реабилитации духа заинтересованного расчета и эгоистичного поведения в моральном плане, осуждавшего во всех традиционных обществах, а социально-правовые практики стали регулироваться экономическим дискурсом, абсолютно чуждым ко всему, что не имеет рыночной ценности. Таким образом, сведение всех общественных фактов к универсуму измеряемых вещей привело к превращению в вещи и людей: вещи взаимозаменяемые и обмениваемые на деньги.

Теоретическая и практическая значимости исследования определяется актуальностью данного интегративного социально-философского исследования, в результате которого создана социально-философская концепция человека экономического как идеальной модели личности, а также реконструированы процессы становления и развития модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества.

Предложенная социально-философская концепция человека экономического как идеальной модели личности может применяться при исследованиях специфики проявления данной модели в различных общественных системах, включая постсоветское пространство.

Положения и выводы, полученные в результате диссертационного исследования, могут быть использованы в качестве теоретико-методологической и источниковедческой базы в социогуманитарных науках, которые исследуют проблемы экономической идеологии и ее составляющей – человека экономического: социальной философии, истории экономических учений, социологии, культурологии, юриспруденции, социальной политике, религиоведении и др. Выводы диссертации могут быть учтены при дальнейшем научном изучении и осмыслении различных социокультурных последствий глобального капитализма.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные выводы могут найти применение при решении конкретных исследовательских задач науки и управления. Результаты данного исследования могут быть использованы в учебных курсах по социальной философии, истории философии, этике, эстетике, культурологии, философии права, социальной политике, религиоведению.

Некоторые положения работы могут проецироваться на общероссийскую и региональную политику, иметь немаловажное значение для повседневной деятельности политиков, особенно прогнозирования стохастического поведения индивидов и социальных групп. Материалы диссертации могут найти применение при выработке стратегий и программ по преодолению глобального системного кризиса, в основе которого лежит дефицит гуманистического потенциала в экономической сфере.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры социологии, политологии и права ИППК при ЮФУ. Результаты данного социально-философского исследования докладывались и обсуждались на научных конференциях, научных семинарах, круглых столах: VI Ждановских чтениях (Майкоп, 2011), VIII Международной научной конференции молодых ученых (Майкоп, 2011), «Мировые религии и гуманизм» (Майкоп, 2009), «Кавказ – наш общий дом» (Майкоп, 2010), «Религиозная толерантность» (Майкоп, 2011), IX Международной научной конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь» (Майкоп, 2012), XXI Адлеровских чтениях – Международной научно-просветительской конференции «Проблемы национальной безопасности России: Уроки истории и вызовы современности» (Сочи, 2012), «Религиозная толерантность» (Майкоп, 2012). Материалы исследования апробировались также при чтении спецкурсов для студентов ФГБОУ ВПО АГУ и слушателей ИППК (Майкоп) по «Социальной политике», «Основам социального государства и гражданского обще-

ства», «Религиозной толерантности», Мастер-классе Центра профессионального научно-исследовательского мастерства аспирантов и молодых ученых (Ростов-на-Дону, 2012).

Результаты исследования используются в целях совершенствования содержания, структуры и методики преподавания дисциплин: «Социология», «Философия культуры», «Социология культуры», «Социальная политика» в учебном процессе первого курса экономического, второго курса юридического, третьего курса педагогического, пятого курса филологического факультетов Адыгейского государственного университета.

По теме диссертационного исследования были сделаны доклады на заседаниях кафедры философии и социологии ФГБОУ ВПО АГУ.

Выводы, предложения, методические рекомендации, сформулированные в диссертации, нашли отражение в опубликованных автором научных работах общим объемом 50 п.л., в том числе в 13 статьях, изданных в ведущих рецензируемых журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, четыре главы, одиннадцать параграфов, заключение и библиографию.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируется его цель, задачи, выявляются степень научной разработанности проблемы, дается описание методологической базы исследования, характеристика его научной новизны, указывается теоретическая и практическая значимость, формулируются выносимые на защиту основные положения.

В первой главе *«Теоретико-методологические основы исследования модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества»* дается концептуальный анализ и рассматриваются теоретико-методологические аспекты исследования модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества.

В параграфе 1.1 *«Социально-философский анализ сущности и основных этапов становления модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества: подходы и парадигмы»* в контексте теоретических подходов и парадигм осуществляется социально-философский анализ сущности и основных этапов становления модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества.

Определено, что приоритет экономической жизни, согласно которому экономика является социальной системой и в качестве таковой должна занимать центральное место во всех сферах общественной жизни, предопределило эко-

номическим явлениям идеологическое измерение. Модель «человека экономического», окончательно сформировавшаяся в эпоху Просвещения, персонифицировала попытку экстраполяции новой антитрадиционалистской логики. Актуализация данной модели человека для истории европейской культуры состоит, прежде всего, в том, что с ее помощью политическая экономия избавилась от авторитета религиозных норм и моральной философии, став наукой, предметом которой является деятельность «человека экономического», цель которого – развитие индивидуально-экспансионистских потенциалов на всех социальных уровнях для развития массовых способностей к ответственно-му, квалифицированному формированию решений, адекватных усложнению общественных проблем.

Выявлена специфика основных этапов становления модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества. Так, для идеологического пространства Средневековой Европы характерна вера в сакральность бытия, где массовая деятельность, массовые решения в значительной мере детерминированы ценностями традиционализма, обусловленные христианской религией. Эпоха Возрождения постепенно меняет спиритуальный культурно-исторический вектор средневекового общества в сторону рационально-архаичной культуры антропоцентризма, результатом чего явилась неспособность европейского общества преодолеть историческую инерцию потенциала либеральной просвещенческой культуры. В эпоху Возрождения в идеологическом пространстве Европы сместился акцент с теоцентризма на антропоцентризм и далее сквозь эпоху Просвещения от теизма как абсолютной манифестации веры в Бога к деизму как весьма условному почтению Божественного начала, и как общий итог духовного преобразования – к откровенному атеизму. Возникшее буржуазное общество в эпоху Просвещения с чрезмерным доминированием экономики во всех сферах общества сместило трансцендентное на периферию общественного сознания. Экономическая идеология стремится охватить и подчинить все сферы человеческой активности так, чтобы сделать их частью собственной идеологии.

Сделан вывод, что начиная с конца XVII–начала XVIII веков идет процесс подготовки особой интеллектуальной среды, структурным ядром которой становится рации – «рациональный человек» и его alter ego – «человек экономический», осознающий свою исключительность, цельность, привилегированность, обретший способность изменять условия своего существования, способность управлять и контролировать свое развитие, ставить цели и согласовывать интересы, создавать условия для максимизации творческой деятельности, прежде всего в науке, преисполненный энтузиазма и веры с желанием вытеснить религиозное содержание из социально значимых сфер, в стремлении полностью «расколдовать» сакральность бытия, что стало в итоге одной из главных интенций секуляризационного процесса, приведшего к

формированию новых институтов публичного, демократизированного и либерализированного общества, а экономическая свобода и институты «человека экономического» вписались в центр европейской культуры. Главными идеологическими характеристиками человека экономического становятся индивидуалистические ценности: счастье, комфорт, наслаждение, душевный покой, а индивидуальная экономическая инициатива и конкуренция позволяют сформировать новый денежный класс – буржуазию. В этой новой системе организованных социальных пространств происходит тщательная регламентация действия и перемещения социальных субъектов, осуществляющаяся только согласно определенным правилам ролевого соответствия.

В параграфе 1.2 *«Модель «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества: методологический конструкт исследования»* создается методологический конструкт исследования модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества.

Определено, что в интерпретации понятия «идеология» обнаруживается неоднозначность подходов, связанных с многоаспектностью всех смысловых значений. Рамочное ее определение звучит как согласованные между собой относительно тесно и свободно совокупности убеждений, установок и взглядов. Дискуссионность понятия «идеология» связана с тремя возможными ее интерпретациями. Во-первых, под идеологией понимаются какие-либо специфические убеждения; во-вторых – идеологии отказывают в праве на истинность интерпретации социального; в-третьих, термин «идеология» используют для обозначения любой совокупности убеждений в самых различных сферах – от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении вне зависимости от того, истинны эти убеждения или ложны. В общем, концепции идеологии могут быть критическими – идеология как «ложное сознание» и нейтральными, в которых идеология рассматривается как неизбежный феномен общества. Ученые термин «идеология» часто употребляют применительно к историческому опыту XVIII века, которому это понятие обязано своим социальным и политическим содержанием. Однако еще в XVIII веке, озаменованном веком Просвещения, французские просветители Кондельяк, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Ламетри в своих сочинениях не раз обращались к изучению феномена идеологии. Так, Кондельяк в своих работах «Трактат об ощущениях», «Трактат о системах» и других разработал учение о двух видах идей – чувственных и интеллектуальных. Их точное определение он считал важнейшей задачей философии и идеологической самоорганизации общества. В новое и новейшее время возникает понятие «религиоведение» одновременно с понятием «идеология». Промежуточную роль между предпонятием (в форме мифологии и теологии) и понятием «идеология» занимало понятие «философия религии». При этом исторически сложилась традиция

понимать идеологию как ложное, оторванное от практической жизни знание, обозначать так искаженное, ложное сознание, что восходит еще к основоположнику эмпирической философии английскому мыслителю Ф. Бэкону и его учению об идолах разума.

Указано, что в первой половине XIX века проблема концептуализации идеологии нашла свое выражение в марксизме. Марксизм разоблачает «ложность» увековечивания и универсализации идеологического процесса как некой формы, возникшей в результате конкретных исторических обстоятельств, выдающей себя за вечное и неизменное условие человеческого существования. Любая идеологическая система имеет классовый характер, являясь отражением действительности в сознании определенного класса. Господствующий класс в интересах сохранения своего господства стремится навязать свое ложное видение действительности прочим социальным стратам, поэтому только с исчезновением классового общества перестанет существовать идеология, а ее место займет положительное научное знание. Последователь марксизма в России В.И. Ленин определяет сущность идеологии в рамках марксистского учения как систему теорий, идей и взглядов, отражающих материальную жизнь общества и выражающих интересы того или иного класса. В советский период появились работы, в которых специально рассматривались проблемы создания марксистского идеологического учения, т.е. науки об идеологии. К этим работам, прежде всего, следует отнести исследования Н.Б. Биккенина, Н.И. Михальченко, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, В.А. Туаринова, В.А. Ядова, В.П. Котенко, М.В. Яковлева, Ю.Н. Давыдова, А.Ю. Яковлева, С.М. Митиной, А.И. Чупрынина, В.А. Иванова, Ж.Т. Тощенко, А.К. Уледова, Г.Х. Шахназарова и др. Теоретические положения марксизма через призму изучения феномена идеологии предложил и развил в своих исследованиях социального знания К. Манхейм.

Акцентируется внимание на то, что в современной философской мысли Запада сохранилось негативное отношение к идеологии. Подобная ситуация начала складываться к середине XX века, что было связано с наступлением кризиса либерально-демократической идеологии на Западе. Подобная деидеологизация западного общества и привела к идее отрицания идеологии. В связи с научно-технической революцией у многих известных представителей западной политической науки возникло убеждение, что век идеологии уходит в прошлое. Американский социолог Э. Шилс выдвинул лозунг «конца идеологий». Авторами концепции «деидеологизации» наряду с Э. Шилсом выступили такие известные ученые, как Д. Белл и С. Липсет в США, Р. Арон во Франции. К концу XX в. на базе концепции «реидеологизации» сформировался инструменталистский подход, в котором оценивалась степень воздействия идей на членов общества. На его основе в социальной философии разрабатывается принципиально новый для Запада конструктивистский подход к изучению идеологии как явления объективно необходимого. Согласно представ-

лениям его сторонников, к числу которых относятся О. Лемберг, Л. Дюмон, И. Валлерстайн, С. Амин, идеология в принципе – положительное явление, а следование идеологическим принципам и ценностям является необходимым условием для решения задач внутренней и внешней политики.

В результате проведенного теоретико-методологического анализа феномена идеологии сделан вывод, что идеология существует во всех обществах, на разных ее исторических этапах развития, принимает различные типы и формы и в целом характеризуется общими чертами, целостной картиной мира, акцентируя внимание на месте и роли человека в этом мире, стимулируя, направляя человеческое поведение и консолидируя при этом действия людей и общества.

Во второй главе *«Реконструкция процесса становления и развития модели «человека экономического» в идеологическом пространстве экономики западноевропейского общества»* исследуется динамика перманентной взаимообусловленности человека экономического и хозяйственной системы нарождающегося капитализма.

В параграфе 2.1 *«Социально-философская эволюция идеологии ростовщического капитала в западноевропейском обществе и его роль в становлении модели «человека экономического»* выявляются особенности и роль социально-философской эволюции идеологии ростовщического капитала в западноевропейском обществе в становлении модели «человека экономического».

Указано, что исторически в экономико-хозяйствующей системе координат западноевропейского общества ссудный процент проблематизируется или получает новую интерпретацию как приоритетный атрибут в различных культурных парадигмах. В частности, в античном мире, который конструировался в границах парадигмы государственного единства, дополненного религиозной интерпретацией социальной солидарности, так как единство общности достигалось санкционированием божественного права, выступавшим одновременно и гарантией содержательности и значимости нравственных требований и единства и завершенности морально-правовых норм, политическая, экономическая, социальная и этическая сферы мыслились обусловленные космическим порядком. Такой подход позволил гармонически объединить нравственность и счастье в единой идее божественной справедливости. Греческий полис конституируется посредством религиозного культа и церемониала, преодолевая отчуждение не политически, а религиозно. Кроме того, античные авторы, к примеру, Платон и Аристотель осуждали отдачу денег или имущества под процент. В Средневековой Европе источником канонического права выступает Абсолют (Бог), что исключает издержки человеческого и временного фактора. Экономические ценности не отрицаются, а подчиняются религиозным нормам. Зачатки экономических теорий в Западной Европе встречаются, главным образом, в сочинениях отцов церкви, богословов и правоведов – канонистов XIV–XVI вв. В них торговля признавалась только при соблюдении честности

сти, справедливости, добросовестности и осуждении ростовщичества (отдачи денег займа под проценты). В определенной мере церковь опиралась на обычаи римского права, но изначально на долговое право и на торговое право в целом церковь влияла, прежде всего, через свое учение о справедливой цене. Римскими папами схоласты и каноники изначально не допускают взимание процента – это и Августин Блаженный, Фома Аквинский и Антонин Флорентийский, Бернард Сиенский. Соответственно этический аспект экономической теории оказывался самодовлеющим. Светское право в отличие от религиозного носит субъективный характер, оно непредсказуемо, так как подвержено фактору субъективной полезности и постоянным переформулировкам, а значит относительно и условно лишено истинной универсальности и объективных критерия для разрешения и согласования групповых интересов. И лишь к эпохе Просвещения повсеместно снимается запрет на рост. М. Хазин особо акцентирует внимание на этом существенном историческом событии, когда обращает внимание на то, что 250 лет тому назад, в XVIII веке, на базе новых ценностей, которые появились двумя веками ранее, была сформулирована новая ценностная модель. Тысячи лет в Европе основой аксиологической сферы были библейские ценности. Система ценностей ислама отличалась не сильно. В новой модели исчезает один важный аспект – запрет на ростовщический капитал. Это поменяло всю систему в принципе и повлекло за собой появление новой. Таким образом, в западном понимании этого слова, свобода – это право любого индивида не исполнять те библейские заветы, которые он не желает.

На основании вышеизложенного сделан вывод, что особенности социально-философской эволюции идеологии ростовщического капитала в западноевропейском обществе заключаются в том, что данная идеология способствовала ослаблению христианской этики и, как следствие, последующей легализации, а затем и распространению ссудного кредитования в системе капиталистического хозяйствования Западной Европы.

Указано, что развитие торговли и ростовщичества сопровождалось ростом денежного обращения. Крупные феодалы имели право чеканки своей монеты, в XIII в. во Франции этими полномочиями владели 80 феодалов. Разнообразие монетных систем породило меняльное дело. Менялы-банкиры занимались не только разменом, но и переводом и хранением денег. Меняльное дело стало зародышем банковского кредита, банковских операций. Купеческий и ростовщический капиталы были первыми формами денежного капитала. С ростом городов, развитием торговли и денежных отношений расширялись хозяйственные связи между отдельными феодальными территориями, подрывалась хозяйственная обособленность и изолированность феодального поместья. Наряду с небольшими местными, локальными рынками, возникавшими вокруг городов, активно развивалась торговля с банковскими операциями между городами, постепенно приобретавшая международный характер.

Таким образом, роль ростовщического капитала в западноевропейском обществе в становлении модели «человека экономического» определяется тем, что его распространение как социальной реалии способствовало формированию утилитарно-гедонистических ценностей, ставших впоследствии ядром идеологии человека экономического.

В параграфе 2.2 *«Трансформация модели «человека экономического» в пространстве западноевропейского общества под воздействием ссудного процента как идеологической интенции капитализма»* через анализ роли ссудного капитала в возникновении капиталистической хозяйственной деятельности показана специфика трансформации модели «человека экономического» в пространстве западноевропейского общества.

Отмечено, что такие западные историки, как Мельцинг, а также А. Сэйу рассматривают финансовые операции торговых компаний, связанных с банковско-ростовщической деятельностью в качестве основной стороны их деловой активности, что позволяет им связывать возникновение капитализма исключительно с ссудным капиталом. Так, А. Сэйу начало возникновения капитализма ведет с XI в., считая, что до конца средних веков уже сформировался «торговый» и даже «финансовый» капитал, который играет все более значительную роль в эволюции капитализма.

Определено, что отличительной чертой возникновения капитализма в европейской цивилизации являются не столько масштабы распространения рынка, сколько постепенный под влиянием рынка произошедший идеологический «слом» традиционных оснований христианской Европы, смены модели «человека религиозного» на модель «человека экономического». Произошло изменение социальной «статичности» средневекового общества, выражающееся в теократической общественной иерархии с его внутренними кодифицируемыми и канонизированными процессами, касающимися отношений отдельного человека к Богу. Понадобился статус в виде власти, деньги в виде влияния, а главное – всеобщий «дух» в виде капиталистически хозяйственного образа мыслей, для радикально-казуистической «переоценки ценностей» некапиталистических разновидностей духовной структуры европейской культуры.

Доказано, что любой хозяйственный уклад либо обусловлен мировоззренческой системой, либо ее обуславливает сам. Теоретические обоснования социально-экономической практики не заставили себя долго ждать. При том, что у каждого из многочисленных государств того времени были свои особенности. Имеются и общие для всех черты, в большей или меньшей степени встречающиеся повсюду. Лишь немногие из них можно признать важными для общего развития, остальные следовали за ними. По мнению ряда специалистов, озвученными как зарубежными, так и российскими исследователями, ссудный процент является ключом к осмыслению смены цивилизационной парадигмы. Ибо то, что произошло в эпоху Возрождения, явилось преобра-

зованием более значительным, чем простое расширение области применения денег. Оказавшись в тесной связи с кредитом и государственными финансами, деньги изменили свой характер. Эпоха Возрождения стала ключевой в развитии финансовой системы, и это не случайно, ибо финансисты данной эпохи встретились с препятствием, неизвестным (или гораздо менее известным) их греческим и римским предшественникам. Отмена запрета на ростовщичество повлекла за собой отказ от спектра ценностей, вырвавших человечество из варварства. Ссудный процент породил капитализм, а у истоков его теоретического осмысления стояли физиократы. Так, если представители меркантилизма видели рост богатств только в свободной торговле, а рост чистого продукта только в эксплуатации соседних народов или колоний, то физиократы ратовали за свободную торговлю, не питая к ней никакого личного пристрастия, и делали они это прежде всего потому, что ратовали более прочего за свободу внутренней торговли, а также в силу того обстоятельства, что естественный порядок наделяет каждого свободой продавать или покупать, как ему угодно, и не взирая на то, внутри или вне страны. В этой логике естественный порядок не признает границ, а свобода обеспечивает выгодную цену.

Определено, что человек исторически специализировался на торговле, однако в нашем случае речь идет не об отдельных актах обмена в виде случайной торговли, которая, безусловно, имела место с древнейших веков, а о появлении именно специализированной торговли, знаменующего начало нового мира. По нашему мнению, возникнуть такому новому миру позволило несколько причин, главную из которых – создание эффективной банковской системы.

В параграфе 2.3 «Социокультурные последствия глобального капитализма для развития модели «человека экономического» в идеологическом пространстве западноевропейского общества» через анализ воздействия социальных трансформаций на сознание людей и изменений, происходящих под данным воздействием в их мировоззрении, устанавливаются социокультурные последствия глобального капитализма в идеологическом пространстве западно-европейского общества для развития модели «человека экономического».

Определено, что возникновение капиталистической системы возможно было только при одном условии – изменении сознания людей. Какую же цену пришлось заплатить за перестройку прежнего сознания? Десятилетиями человека переделывали, насильно отучали от психологии владения, блокировали в памяти прежний жизненный опыт, делая его покорным сначала посредством открытого физического принуждения, а затем путем скрытого экономического насилия. К примеру, в капиталистической системе хозяйствования стало естественным продавать рабочую силу, и обеспечивается это таким средством экономического насилия, как безработица. Богатые капиталистические страны могли бы обеспечить полную занятость населения. Однако массовая без-

рабoтница постоянно существует, для того чтобы держать работающих в страхе потерять работу.

Указано, что капиталистическая система – это система давления, она основывается на возможности шантажа тех, кого жизнь поставила в чрезвычайное в актуальном и потенциальном плане положение, то есть на шантаже людей, которые завтра будут обречены на голод, если не будут работать сегодня, и которые завтра не получают уже никакой работы, если не согласятся на те условия, которые предлагаются им сегодня. Капитал отработал уточненные формы насилия над сознанием человека, скрытые механизмы манипулирования им. Сознание людей постоянно держится под контролем капитала, формируется им в массовом масштабе.

Сделан вывод, что посредством социальных трансформаций современного человека привели в такое состояние, когда из структуры его духовного опыта исключили тот уровень, который называется высшим, связанный с актом религиозного откровения, а значит, в сознании этот опыт будет не востребован и не будет осмыслен. Так, капитализм создал не только новый тип экономики, но и новый образ жизни, и новый тип мышления.

Указано, что возникшие в Средневековье и усовершенствованные в будущем экономические институты: рынки, банки, свободная торговля, предпринимчивость, а заодно и мораль, соответствующая нуждам коммерции, промышленное производство, коммерческие и финансовые связи произвели разрыв с традиционной жизнью, определив тем самым вектором направленности в сторону зависимости от финансовой дисциплины всех сфер жизнедеятельности. Требовалась некая всеобщая идеологическая константа в сознании масс, которая придавала бы экономике всесильный и всепобеждающий характер. Секуляризм вместе с идеологией Просвещения постепенно разрушил религиозные и связанные с ним политические, экономические, правовые структуры, высвободив крупные материальные экспансии в виде преуспевающих и привилегированных капиталистических сил, которые и были главным фактором в создании современного глобального капитализма.

Определено, что в условиях глобального капитализма экономическая экспансия осуществляется посредством международных институций, в лице Международного валютного фонда – органа, занимающегося распространением капитализма в странах третьего мира с использованием инструментов кредитного вливания в их экономики. «Глобализация» сегодня, прежде всего, означает капиталистическое развитие, направленное на трансформацию традиционных общественных институтов, от которых зависит экономическая сфера жизни и международные рыночные институты. Глобализация по либеральному сценарию – это проблемный процесс катастрофического порядка, стратифицирующий народы мира по признаку материального благосостояния; процесс, который безжалостно сдвигает на обочину исторического раз-

вития социальные общности, не способные в жесткой конкуренции достичь желаемого уровня. Последний мировой финансовый кризис показал, что, с одной стороны, мир становится многополярным, виртуальное богатство – ничто, долги рынков стали долгами государств; с другой стороны, государство не регулирует экономику напрямую. Многие экономические силы являются транснациональными и не поддаются его контролю и непосредственному управлению. Казалось бы, несбалансированность экономики должна компенсироваться демократизацией технологических ресурсов, однако доступ к информационным ресурсам с его глобальной осведомленностью лишь фальсифицирует эквивалентность обмена.

Сделан вывод, что экономическая идеология проникла в официальную и частную жизнь и овладела господствующими над людьми интересами постепенно. Прежде чем материальный интерес и успех стал единой отличительной чертой всей европейской культуры и преобразил ее во всех принципах и взаимосвязях благодаря единому духовному перевороту, в разной форме произошедшему в культуре ведущих народов Западной Европы, утвердилось новое понимание мира и человека. Последствия рождения «человека экономического» с его стремлением к наживе устранило описания мира с позиций нравственности. В истории человеческой мысли нет избытка в характеристиках моделей человеческих типов, он человек экономический – абстрактная антропологическая модель зарождается в буржуазном обществе и становится для него типичной.

В главе 3 *«Реконструкция процесса становления и развития модели «человека экономического» в идеологическом пространстве искусства западноевропейского общества»* показаны изменения, связанные с социальной дискредитацией и моральной нетерпимостью к доминированию религиозных институтов над всеми остальными сферами жизнедеятельности, постепенно внушающими человеку мысль о его исключительном по сравнению с Творцом положении в мире. Принципиальным и показательным в этом социо-антропологическом (человека экономического) развертывании истории являются происходящие изменения статуса телесности в западноевропейском искусстве, то значение, которое она обретает вне зоны непосредственной «ответственности» перед Творцом, легитимируя собственную историю как историю восприятий-реконструкций-интерпретаций ее людьми в конкретике их культурно-исторической жизни.

В параграфе 3.1 *«Социально-философская эволюция модели «человека экономического» в идеологическом пространстве искусства Средневековья»* анализируется, как в идеологическом пространстве европейской культуры, в котором в качестве исходного звена, сохраняющего свое значение на протяжении всей христианской истории Средневековья, выступала религия;

произошли, хоть и постепенные, но тектонические этические смены в конфигурации идеологического пространства, что дало основание утверждать о наступлении нового идеологического, а значит и художественного цикла.

Указано, что эволюция художественного творчества испытывает влияние как социальных, так и культурных, психологических факторов, при том, что искусство – специфическая форма духовной деятельности, обладающая относительной самостоятельностью развития, выраженной самобытностью, поэтому так важно суметь обнаружить в его развитии уникальные этапы, порождаемые комплексом внутренних и внешних интенций.

Определено, что превращение духовных интересов в светские шло в западноевропейской культуре главным образом по линии постепенного преобразования философского и теоретически-научного мышления, стремившегося к индукции, к методу все более расширяющегося по пути безудержного наблюдения, которое с начала XV столетия приобрело значение также и в области живописного изображения природы. Натурализм и связанные с ним в рамках искусства задачи приобрели такую высокую оценку, какой они до этого в течение всей эволюции искусства никогда не имели; уничтожив границы, поставленные до тех пор перед искусством, они явились исходным пунктом нового художественного открытия видимого мира в его неисчерпаемом предметном и формальном богатстве. И в этом также содержалось быстрое отступление от потустороннего и потеря себя в том, что предлагалось природным окружением для удовлетворения потребности человека в знании и наслаждении.

Это движение являлось ни чем иным, как выражением той художественной манифестации, не раз возникающей в истории духовного развития человечества, в которой человеческий дух придает наблюдению самостоятельное значение, видя в нем источник художественной правды. Причина этому отчасти кроется в противопоставлении религиозных традиций и практик, причем зачастую внутри одной конфессии, когда индивидуальные духовные озарения и связанные с этим чувственные переживания выходят за границы канонически кодифицированного священного, божественного повествования. Сепаратистски ориентированное сознание провозглашает открытым признание автономной игры фантазии как собственной самостоятельной цели духовного овладения миром, это коррелирует и с задачами искусства, когда наблюдение над действительностью превращается в источник и благороднейшую цель, в начало и конец всего художественного творчества. В этом заключалось нечто неизмеримо большее, чем новая формальная ориентация искусства, в этом параллелизме мистериально антропософском и художественном восприятии открывались новые общие категории истины и формальные системы ценностей. В них независимо от глубочайших тайн церковного откровения художник как творец через свое искусство, основанное на земной чувственной жизни, через свободную власть фантазии и новое понимание художествен-

ной правды мог сквозь призму человеческого восприятия интерпретировать божественное содержание священных повествований.

Указано, что существенным в этом повороте было далеко идущее обретение искусством самостоятельности по отношению к любой сверхъестественной закономерности. Возникновение этого нового дуалистического отделения исследования природы и человека от божественного сознания отвечает тому, что мы можем наблюдать в современном искусстве, к известному освобождению интеллектуализма от всеобщей трансцендентной обусловленности, где противостоят непосредственные и произвольные наблюдения природы трансцендентно-идеалистическим установкам.

Доказано, что господство внутреннего над чувственным восприятием действительности в искусстве исчезает, и в изображении психических моментов художник ограничивается передачей конкретных ощущений. Героическое во всех смыслах слова уступает место предметному реализму, жанр приобретает все больше значения, и даже библейские рассказы, а также исторические рассказы классической и национальной поэзии переносятся полностью в современность и благодаря этому лишаются своего исторического характера ради натуралистически-наглядного представления. Участники библейских хроник предстают перед нами как античные героические образы, созданные по подобию античных идеалов телесной красоты и совершенства, в соответствии со стилем и воплощением их наиболее важных действий. Они олицетворяют собой силу и волю, являясь христианскими представителями классического понятия величия, достоинства и человеческой красоты. Искусство все больше, даже в религиозных изображениях, не ассоциируется с духовным возвышением в вере, напротив, с обмирщением жизни, обоснованием человеческой автономии и торжеством плоти.

Сделан вывод, что кризис религиозного искусства произошел тогда, когда сместился акцент с чистой духовности к возможности выражения догматов веры и религиозного культа в чувственных формах, когда стала важна вообще религиозность, а не конкретно в преломлении христианства.

В параграфе 3.2 *«Трансформация модели «человека экономического» в идеологическом пространстве искусства эпох Возрождения и Просвещения»* исследуется роль и векторы трансформации искусства, а также его воздействие на модель «человека экономического» в идеологическом пространстве эпох Возрождения и Просвещения».

Указано, что в целом возрожденческая культура формировалась под лозунгами обновления, приобщения к современному, к «модерному веку», новому образу жизни и новому мировоззрению как антиподу всей тысячелетней средневековой культуры. Модернизм нового века отождествлялся со светскостью в культуре, в мировоззрении, в искусстве, в науке и, в определенном смысле, в религии. Говоря о религиозной светскости Ренессанса, следует подчеркнуть,

что страх и трепет испытывают уже не перед могуществом личного надмирного божества, а, в лучшем случае, перед бездной бесконечности космоса. Это заложило впоследствии под основание европейской культуры парадигмальную установку радикального пересмотра традиции, ее дискредитацию с ориентацией казуистики модерна на десакрализацию смысла лишаящего его статуса трансцендентальности, изначальной заданности, абсолютности. Перед «лицом» современности все объявляется «вчерашним днем», модерн – это все передовое, традиция – это безнадежно отсталое, и лишь только изредка ностальгируя по ней, ее используют как поверхностно-декорированное обрамление современности.

Определено, что искусство начинает принимать различные формы и тенденции, в которых отражаются уже не абсолютные и вечные ценности, а чувственные самоценные и самодостаточные истины, находящиеся в постоянном развитии. Прежний духовный завет не имеет больше той моральной силы. С тех пор художник, нормирующий и оперирующий артефактами повседневности, мнит себя всемогущим властелином, он создает в своем уме смыслы, которые заменяют трансцендентную и эмпирическую закономерность и разрушают тем самым существовавшую ранее систему художественных единств и соподчинений. Этот субъективизм выходит за рамки средневекового наследия, где всеобщей теологической системой объяснения мира были поставлены определенные границы личному духовному отношению к окружающему миру.

Сделан вывод, что на уровне системных культурных образований данная установка обнаруживает себя в особом типе структурирования концептуальных моделей мироздания, предполагающем отражение механизма порождения новых идей, смыслов и художественных форм, а также механизма социализации и личностного развития, предполагающем перенесение ценностных акцентов при осмыслении явления социальной темпоральности от настоящего к будущему.

Доказано, что в эпохи Возрождения и Просвещения произошел этический и эстетический переворот в культурном западноевропейском сознании, где все священное доведено до карнавального предела, где уравнивается трансцендентность красоты и имманентность плотской наготы и приоритет в спасении мира отдается последнему. Формируются новые индикаторы художественной ценности творческого сообщения, содержащие этическую и эстетическую оппозицию христианскому пониманию искусства. Где предметом вкушений художника оказывается внешняя плотская красота, которая ведет не к состоянию духовного озарения и эманации благодати, а к романтически окрашенной дионисийской, демонической чувственности и где конвульсивная красота инстинктивна и предельна на грани высшего напряжения страсти вызывает эскалацию спонтанности эмоциональных состояний и наслаждение не «полнотой бытия», а полнотой жизни. Когда сюжет этих фресок религиозен, но истинное содержание – безграничное могущество человеческого рода, по-

казанное во всей своей реальности. Художественный дух теперь репрессивен по отношению к действительности, он ставит под сомнение как безусловную значимость норм и правил, так и безусловность естественного впечатления, и если раньше художественное произведение воспринималось как наглядное выражение духовного представления с акцентом на библейскую, поэтическую или историческую традицию, то теперь – всецело субъективное внутреннее представление, созданное самим художником.

Определено, что, начиная с Ренессанса, искусство, живопись, литература, музыка обретали автономность вследствие анонимных условий функционирования рынка, когда художественный продукт начинает выступать в товарной форме. Сам Ренессанс подготовил буржуазно-капиталистический этап с его культурой частной собственности и культурой производства на основе эксплуатации рабочей силы. Этому способствовало возникновение новых коммуникативных и обменных связей, появление которых обусловлено расширением и ростом художественного рынка. Более того, постепенный отказ от традиционной религиозной картины мира как универсального источника смысла всех вопросов бытия – процесс, о котором можно говорить, начиная с Просвещения, разворачивавшийся на фоне освобождения буржуазного индивида от религиозной опеки и феодального принуждения. Правда, он все еще вынужден преодолевать последствия отчуждения. Эта мораль легко срывается в игру, в двусмысленность, в казуистику, быстро переключается из мира объектов во внутренний, субъективный мир человека. Состояние морали в век Просвещения характеризуется неустойчивым равновесием, лишенным определенного содержания и поэтому легко трансформируемым в эстетическое качество. В этом своем качестве (как цель, как стремление) неопределенность понятий, возникающих в этой игре, изменчивая и неопределимая нравственность реализуются в особого типа идеях – не моральных, не теоретических, но – в идеях эстетических.

Сделан вывод, что утратив свое религиозное содержание, искусство становится только украшением, декором: свободным, технически совершенным, легким и привлекательным искусством, не обремененным какими-либо идеологическими нагрузками. Примечательно, что история и культура Средневековой Европы началась с варварства и вандализма, с постыдного надругательства над античной культурой, на смену которой она приходила. Негативная преемственность в отношении к явлениям предшествующих веков и культурным движениям более поздних эпох – отныне традиционная черта европейской общественной жизни.

В параграфе 3.3 *«Социально-институциональные механизмы воспроизводства модели «человека экономического» в идеологическом пространстве современного западноевропейского искусства»* раскрывается сущность процесса воспроизводства этических конвенций человека экономического в современном западноевропейском искусстве.

Определено, что современное искусство основывается уже не на ритуале сакрально-религиозного, а на секулярно-профанной светскости человека экономического. Если традиционно произведение искусства служило инструментом духовного возвышения и утешения, то в современную эпоху его центральной характеристикой становится выставочная ценность, способность стать массовым продуктом потребления. Произведение искусства утрачивает свою стыдливую «ауру» и «девственную» уникальность, оно вырывается из истории и традиции.

Отмечено, что последние столетия, утвержденные стандартом просветительской антропологии – возвышенный натурализм тела и его откровенная непристойность возвеличивались всеми политическими режимами, всем многообразием политических форм правления, а также диктатурами и авторитарными механизмами подавления инакомыслия так, что все это разнообразие политических и социокультурных форм и явлений выглядело прочно связанным друг с другом через их знаковую природу тела. Напротив, сформированная столетиями сложная система взаимодействия искусства и религий создала устойчивую и внутренне непротиворечивую основу религиозно-эстетической жизни. В результате этого процесса взаимодействия религии и искусства возникла определенная целостность, когда религия вобрала в свою структуру ту или иную систему искусств, функционирующую как на уровне культурно-духовном, так и социальном. Освобождение от культуры, искусства, лично окрашенного восприятия, а вместе с этим радикальный отказ от функциональности, морали, организующего эстетического принципа приводят к их фактической ликвидации, остается только один художественный принцип в искусстве, отражающий точку зрения художника в качестве доминирующей и определяющей – это сам процесс творчества и процесс восприятия, а сама деятельность с ее результатом предстает как отчуждение, которое должно быть преодолено во что бы то ни стало. Триумф творческой свободы духа человека экономического дополняется его эстетическим бунтарством, когда оно начинает совмещать в себе одновременно и теурга и демиурга. Однако романтический взгляд на искусство как на надежду, как на прорыв к «новому чувству жизни» уже к середине XX века сменился нигилизмом в искусстве, дошел до абсолютного небытия, чистого ничто. Современный художник – это в большей степени удачливый специалист по искусству, а не одухотворенный гений.

Указано, что для классического искусства, помимо эстетического, существенно нравственное содержание, для модернизма нравственные идеи не имеют значения, он нацелен на создание шок-ценностей, поражающих воображение. Накрепко «спаянное» с коммерческим капиталом искусство становится приложением индустрии развлечения, что неизбежно ведет его к концу. Абстрагирование мира отныне стало всеобщим фактом, и все формы безразличного мира несут на себе одинаковые стигматы безразличия. Аутентичная

современная живопись обязана быть сама себе безразличной, точно так же, как современный мир стал безразличен самому себе после того, как сущностные цели испарились.

Доказано, что современное искусство в своей совокупности есть сейчас метаязык банальности. Каковыми бы ни были внешние формы, с которыми мы имеем дело, на самом деле мы давно пребываем в психодраме исчезновения и опрозрачивания реальности. (Не следует обманываться ложной видимостью непрерывности искусства и его истории.) Это привело к тому, что искусство подменяется псевдоискусством, последовательно перешагнув через категории нравственного, а затем и категорию прекрасного. Все, что осталось, это смакование пороков, прославление жестокости, изнуряющее и бессмысленное творчество. Подобный цинизм не есть откровенно аморальная позиция, скорее тут сама мораль поставлена на службу аморализму; типичный образец циничной мудрости – трактовать честность и неподкупность как высшее проявление беспечности, мораль – как изощреннейший разврат, правду – как самую эффективную форму лжи.

Определено, что телевизионные иступляющие многосерийные сериалы, банальные слезные драмы, легковесное бульварное чтиво, шокирующие токшоу – весь этот суррогат плоских моральных прописей только апеллирует к внешним чувствам, низвергая искусство до уровня средства избавления от скуки. Какое только значение ни предавали искусству – игра, праздник, оргия, массовое и элитарное, высокое и низкое; при всех на сегодня различиях очевидно одно – усиленно затушевывают тот социальный заказ, который исходит от монополистического капитала, важнейшей функцией которого является укрепление капитализма, формирование выгодных и угодных буржуазному обществу ценностных ориентаций личности, выработка в ней черт и качеств, нужных для функционирования этого общества. Посредством использования свободного времени населения СМИ методично деформируют эстетические вкусы, а в месте с ними моральное и политическое сознание масс, которое остается неразвитым и извращенным.

Указано, что массовое либо элитарное искусство в руках дельца – это, прежде всего, «товар», оборачивающийся на рынке высокой прибылью. На Западе это уже давно является высокодоходной отраслью капиталистического производства, подчиненной основному закону капитализма – извлечению любым способом сверхприбылей. Это капиталистическое производство духовной продукции, это движение меновых и потребительных стоимостей в области духовного производства, подчиненное законам капиталистического рынка. Таким образом, сама культура становится вдвойне выгодна капиталу – и как товар, приносящий прибыль, и как средство стабилизации и укрепления капитализма, «проталкивания» буржуазной идеологии в массы.

Доказано, что, центральные фигуры как будто бы растворились в социальном полотне, словно кукловод в театре марионеток, тем не менее они прочно сохраняют за собой рычаги контроля и управления важнейшими политическими, финансовыми, «медийными», образовательными и социально-экономическими процессами, хотя все это остается скрытым для глаз большинства. Создавая видимость, а в реальности посредством особого рода манипуляций маскируют истинную природу политических, экономических и идеологических отношений, существующих в капиталистическом обществе. Буржуазная идеология давно приспособилась выдавать себя за общенациональные идеалы, представляя положение вещей в выгодном для себя свете. Все от прессы и кино до правосудия и дипломатии пронизано представлениями об отношениях между человеком и миром, которое буржуазия вырабатывает для себя и для общества в целом. Все это в итоге приводит к одному результату. С одной стороны – глобальный процесс духовной унификации мира, с другой – безграничность человеческих желаний и их постоянное разрушение реалиями действительной жизни.

В главе 4 *«Реконструкция процесса становления и развития модели «человека экономического» в идеологическом пространстве правовой системы западноевропейского общества»* формулируются юридические требования «человека экономического» в контексте происходящих изменений в онтологическом, аксиологическом, гносеологическом, сущностном аспектах и их закрепление в правовых актах.

В параграфе 4.1 *«Социально-философские проблемы эволюции идеологии правовой системы в эпоху Средневековья и ее влияние на становление модели «человека экономического»* рассматриваются проблемы процесса адаптации правовой деятельности в эпоху средневековья, а также влияние права на становление модели «человека экономического».

Указано, что в Средневековой Европе параллельно сосуществовали множество правовых систем: церковное каноническое право с христианскими судами и иерархическая светская юрисдикция: королевский суд, суды сеньоров, суды общин (городов), корпораций, торговые суды. Однако признавалась безусловность того, что универсум, общество и люди, есть наглядное выражение духовного представления об их креации Божественным Провидением и управлении посредством установленного законом порядка. В схоластике того времени полагали, что имеются три источника права: *jus positivum*, *jus naturale humanorum* и *jus divinum*, представление о которых соответствовало различным направлениям античной мысли. *Jus positivum* было римским правом, *jus naturale humanorum* – эллинистической естественно-правовой идеей, а *jus divinum vohintarium* (право Божественной воли) – правом, полученным от Бога через откровение. Последний источник права обуславливал культурно-

исторические особенности правовой системы, формирующие идеологическую структуру Средневековой Европы, и стоял выше всех остальных, т.к. его непосредственно выводили из Божественного познания. От человека требовалось необходимое соответствие и подчинение непостижимой Божественной воле.

Определено, что идея обновления (модернизации) общества, связанная с радикализацией просветительских идей в западноевропейской культуре как преодоление интеллектуальной зависимости от трансцендентных образцов через развернутую правовую критику, где Бог уже не на правах бесспорно верховной силы, не доступной зрительной перцепции и не доказуемый разумом, вмешивается в человеческую историю. Секулярный мир «человека экономического» требовал правового обоснования происходящих изменений, где онтологический, аксиологический, гносеологический и сущностный аспект права, этапы его становления и развития есть генезис права как прогрессирующей эволюции содержания, объема, масштаба и меры свободы, равенства и справедливости. Исторически в силу своей специфики право выступает как эффективное средство управления обществом. Соответственно правовое регулирование нередко рассматривают в качестве установления правовых предписаний и их обеспечение государством. Существенное значение для правопонимания имеет фундаментальный вопрос, как отождествление или различение права и закона (позитивного права). Собственно, этот момент различения или отождествления права и закона определил два противоположных правопонимания – юридическое (от *ius* – право) и легистское (от *lex* – закон). Так, понимать под правом исторически сложившуюся данность с присущими ей специфичными, отличительными сущностными свойствами и характеристиками, стремление теоретически обосновать объективную природу права привело впоследствии к разделению естественного и позитивного права в качестве необходимой мыслительной предпосылки и исходной познавательной схемы в сфере теоретического понимания и изучения права.

Указано, что естественное право утверждается в качестве исходно данного природой (Божественной, космической, физической, человеческой и т.д.) «источника права», которое, по такой логике, также и действует естественно. Отсюда конкурентность в притязаниях двух одновременно и параллельно действующих и противоборствующих между собой системах права – подлинного, истинного, естественного права и неподлинного, неистинного, официального (позитивного) права. Эпоха реформации меняет правопонимание с рецепций средневеково-схоластических построений естественного права на рационалистическое естественное, которое послужило сильнейшим источником вдохновения для развития европейского права. Естественное рационалистическое право так же, как и средневековое христианское и естественное схоластическое право, основывалось на идеологическом наследии античности. В то же самое время в Средневековой Европе на протяжении столетий право развива-

лось в границах христианско-теологического варианта юридического правопонимания и было гармонично сбалансировано с христианской моралью.

Отмечено, что процесс концентрации юридического капитала сопровождается процессом дифференциации, который завершается становлением автономного юридического поля. Юридический корпус как чиновничье сословие организуется и иерархизируется, и уже в XIV веке появляется государственное министерство, действующее от имени короля, укомплектованное штатными прокурорами, которые постепенно становятся государственными чиновниками. Начало секуляризации эпохи Просвещения завершает процесс концентрации, который поступательно лишал церковь и сеньоров их юрисдикции в пользу королевской юрисдикции. Именно с формированием юридическо-административных структур усиливается верховенство королевских судей над сеньорами; дела переходят под королевскую юрисдикцию; лишаются привилегий церковники и общины, подтверждая, что в апелляционном суде всегда заседают королевские судьи. Когда наконец божественное откровение перестали принимать во внимание в качестве источника права, то вернулись снова к делению на *jus positivum* и *jus naturale humanorum*, что преждевременно еще воспринимать как «секуляризацию». Гроций, Пуфендорф, Лейбниц и великие испанские юристы-рационалисты естественного права, как, например, Суарес и Виттория, исходили из христианского вероучения, верили в факт его Откровения. Для них не существовало вопроса об освобождении человеческого разума от божественной воли Создателя вне того, чтобы освобождение от христианской морали было бы обосновано стремлением создать имевшую самостоятельную ценность идею об обществе. Далее отдельные представители Просвещения осуществляют последовательный отказ практически от всех традиционных презумпций божественного видения исторического процесса и ратуют за самое решительное отделение моральной теологии от естественного права и ставят своей целью создание «секуляризованного» естественного права.

Доказано, что именно данная концепция правопонимания сделала возможным в будущем возникновение буржуазного юридического позитивизма, проще говоря, легизма. Как таковая она уже существенно отличается как от сверхсубъективных, так и сверхобъективных закономерностей, управляемых высшей инстанцией, представляя собой залог богоподобия человека, наделяя его способностью создавать новый умопостигаемый социально-правовой мир. С тех пор и по сегодняшний день самовластный человеческий ум, достигший осознания своей спонтанности, надеется удержать эту спонтанность в противовес признания надежной опоры в виде очевидности, конечности разумности бытия.

В параграфе 4.2 «Трансформация модели «человека экономического» в эпоху Возрождения и Просвещения как результат изменений в идеологи-

ческом пространстве правовой системы» исследуется трансформация модели «человека экономического», начавшаяся как результат подчинения права целям хозяйственной деятельности, что, естественно, сопряжено с разрушением традиционных нормативно-аксиологических шкал.

Определено, что экономическая экспансия в рассматриваемый период привела к усложнению общественной жизни, что вызвало необходимость детального юридического урегулирования этого иерархического порядка. Процесс взаимообусловленности и взаимосвязи экономики, государства и права нельзя представлять утрированно, как некий однолинейный и односторонний процесс. Это весьма сложный, многогранный феномен, на который влияют не только экономические, но и этнические, национальные, политические, идеологические, духовные и многие другие соционормативные регуляторы, выходящие за рамки прямых взаимодействий государства, права и экономики.

Указано, что исторически право выражало и закрепляло волю и интересы господствующих классов, стоящих у власти социальных слоёв, групп, прослоек. В первую очередь это проявляется в том, что право на всех стадиях его развития закрепляет имущественное, социальное и иное неравенство людей: неравенство рабовладельца и раба, помещика и крепостного, работодателя и работополучателя. Право и экономика не просто соотносятся, а взаимодействуют, взаимовлияют друг на друга, но до известной степени право представляет собой продолжение экономики. В свою очередь, и экономика может существовать и развиваться в той или иной степени как регулируемая и направляемая с помощью государственно-правовых установлений. Динамичное же развитие экономических отношений влияет на изменения правовой базы, одновременно корректируя и изменяя ее.

Доказано, что поскольку цели человека экономического как наиболее характерного для данного общества хозяйственного агента не совпадают с христианскими представлениями, то в ходе последующих событий станет ясно, что восприятие материальных ориентиров европейской культурой, способствующих возникновению капитализма, станет целью самой культуры.

Так уже с первой технологической волной происходит и модернизация правовых форм промышленного предпринимательства. Лавинообразно создаются акционерные и торговые компании, и к ним приспособляются соответствующие формы права. Либерализм как политическая идеология опирается теперь на поддержку предпринимательской буржуазии; что касается земельной собственности, то естественное право и идеи Просвещения проложили дорогу либеральному пониманию права собственности, которое в XIX веке появилось почти во всей Европе и характеризовалось невероятно жестким понятием права собственности, установившим рыночную экономику. Либеральные идеи находились в жесткой конкуренции с идеями социализма и консерватизма, типичным для этих идей было то, что каждая из них проецировалась на

ту специфическую среду, в которой она возникла – социализм в рабочей среде, консерватизм в среде зажиточных крестьян и высокопоставленных служащих, включая клерикалов, либерализм в среде промышленников и торговцев.

Отмечено, что появление экономической власти как обособленной силы – факт исторический, однако либерально-капиталистическое общество открыло вторую историческую ступень зависимости людей в обществе, или вещную зависимость, образующую систему всеобщего обмена вещей, всеобщего овеществления отношений. В вещной фазе развития общества юридическое понимание собственности сводится к экономической власти, взятой как сущность. Иными словами, экономическая власть охватывает волевые отношения собственности и всевозможные формы их движения (власть арендатора, титульного владельца и т.п.). Собственность как экономическую власть на этом этапе ее развития можно представить через отношение определенного субъекта к вещным предпосылкам производства как к своим. Итогом развития данного процесса становится превращение работников в пролетариев, а условий труда – в капитал. Путем централизации капитала устанавливается правовой контроль над ним, который и позволяет концентрировать его в руках немногих собственников.

Таким образом, правовые отношения возникают из экономических отношений частной собственности, обслуживают эти отношения, являются необходимой формой их выражения и существования. Основной принцип права, таким образом, состоит в спокойном и свободном сожительстве людей между собой (*custodia societatis*), и люди посредством своего разума могут создать правопорядок из представлений об этом состоянии. Отсюда следует положение *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), которое является основополагающим для общественной жизни. Фундаментальной догмой европейской политико-правовой культуры в разных ее интерпретациях явилась теория общественного договора, идейную основу которой составляет идеология гуманизма. То есть человек сам по себе является источником своих личных прав, начиная с права действовать свободно, исходя из расчета и личного интереса. Он отныне находится попеременно в состоянии войны и мира с подобными себе, так как они тоже наделены теми же правами, таким образом, мир приводится в равновесие посредством превращения его в рынок, в поле для конкуренции. Люди могут объединяться, если только это выгодно обеим сторонам, но их ассоциации носят условный, преходящий и временный характер, поскольку они постоянно движимы идеей наилучшего удовлетворения своих интересов. То есть человек «социален» не потому, что такова его природа, а потому что в этом заключается его выгода. Если выгоды нет, то он может, по крайней мере теоретически, разорвать общественный договор. В этом разрыве он лучше всего продемонстрирует свою свободу.

Сделан вывод, что свобода человека в современном смысле этого термина совпадает в своих границах с объективной реальностью. Такой человек,

абстрагированный от всякого социального и культурного контекста, рассматривается через призму обезличенной «полноты бытия». Так, для античного мира свобода существовала, прежде всего, в возможности участвовать в общественной жизни. В Средневековой христианской Европе свобода понималась как инструмент достижения вечной жизни. И только люди современности (les Modernes) в противоположность всему этому сделали из свободы потенциальную предпосылку для товарной сделки, что позволило продать «с молотка» все общественные цели, интересы и ценности.

В параграфе 4.3 *«Социокультурные последствия изменений в идеологическом пространстве правовой системы для развития модели «человека экономического» в современном западноевропейском обществе»* анализируются предпосылки общественно-правовых последствий идеологической активности человека экономического как самодостаточного существа, полностью владеющего собой и своими собственными поступками, критерием которых выступает собственная функция полезности и интереса. Это означает, что в современных условиях человек экономический не следует принятым общественным традиционным нормам, ценностям, что этические принципы и социальные институты он воспринимает утилитарно.

Указано, что последовательное экономическое измерение общества также несет в себе значительные последствия. Завершая процесс секуляризации и «развоплощения» мира, характерных для модерна, он заканчивается ультраиндивидуализмом и «растворением» социального, например, исчезновением народов, потерей их специфических отличительных признаков. В социологическом плане утверждение современного экономического порядка приводит к социальной стратификации на производителей, собственников и отчужденные страты. В плане коллективных представлений такой процесс приводит к утверждению на самое почетное место рыночных ценностей, которые до того во все эпохи воспринимались как самые низкие. Это не случайно, ведь они вызваны низкой жизненной необходимостью. В моральном плане он реабилитирует дух заинтересованного расчета и эгоистичного поведения, осуждавшийся во всех традиционных обществах.

Указано, что в современном мире смысл человеческого существования состоит в том, чтобы повышать экономический рост, умножать капитал – и не для целей собственного счастья, а ради самого капитала. При капитализме экономическая деятельность и материальная выгода стали самоцелью. Жизненно-практические установки людей уже не базируются на какой-либо исходной духовной предпосылке, «большой идее», первичном символе и конечной сакральной ценности, которые придавали бы смысл и согласованность стремлениям и действиям людей. Упразднена религиозная традиция как система детерминации социальной жизнедеятельности индивидов, в которой отсутствует духовное производство, она заменена современным капиталисти-

ческим духом «человека экономического», тем духом, который побуждает его проявлять те стремления, развивать те способности, следовать тем принципам, которые способствуют и санкционируют в нем развитие в основном деловых качеств, а сама «природа» предпринимательского духа обрекает его пребывать в состоянии постоянного желания перерасти свое общественное положение.

Определено, что нарастающее сегодня в мире отчуждение социального обеспечения и общественной солидарности также наступило в результате интеллектуального десанта проекта Просвещения и его идеологической атаки на все сферы общественной жизни, была деформирована «центральная матрица» общеевропейского мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат, скрепляемой общей религиозной доктриной. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни были последствиями демонтажа европейских народов, который и составлял общество, и на согласии которого держалась легитимность западной культуры. С потерей сначала религиозной идентичности, а впоследствии и с размыванием границ этничности – высвобождалась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Сегодня социальность трансформировалась в молчаливое большинство, не представляет собой инстанцию, на которую можно было бы сослаться, как когда-то на класс или народ. На социальном уровне стабильность общества оборачивается стагнацией, на индивидуальном незаурядность оборачивается посредственностью. Буржуа как «человек экономический» не стремится ни к доброму миру, ни к злему, но к удобному. Современный «человек экономический» – это типичный буржуа, снимающий с себя социальную ответственность по выстраиванию активной позиции. Жесткая фиксация устойчивых социальных стереотипов, с одной стороны, исключает потребность в социальной коммуникации ее человеческого наполнения, с другой – снижает ее функциональную значимость для сообщества в целом. В подобном обществе эгоистическая ориентация индивида в условиях конкуренции, культа денег и успеха обрекает его на одиночество, бесчувственность и как итог – потерю смысла собственного существования. Вытесненный из своего естественного русла, человек лишился социального наследования в виде традиционных связей и архаической солидарности, в результате чего социальное утратило свои атрибуты и определенность, все более маргинализируя социальные слои, усиливая в индивиде подавленность и обостряя в нем чувство «обочины».

Доказано, что в ситуации энтропии религиозных нарративов большинство современных людей утратило связную картину мира, изменения в ценностях повлекли за собой трансформацию внутреннего и окружающего мира социальной реальности. Несоответствие социальных реалий символическим обрело человечество на закономерную радикализацию обновленческих концепций и запрограммировали социальную практику на последующие столетия к острым социальным конфликтам, стремление формировать обществен-

ный порядок оборачивалось обратным – общественными беспорядками, когда идеология и жизненный мир людей стали все больше и глубже расходиться между собой. В итоге распространение множества отдельных рисков и рисковенных (опасных) ситуаций привело к пониманию того, что само общество является генератором рисков. Фундаментальные концепции в области социологии риска, принадлежащие известным западным социологам Н. Луману, Э. Гидденсу и У. Беку, выявили, что характерной чертой общества модерна является то, что принимаемые решения в современном рисковом обществе всегда связаны с рисковыми последствиями, по поводу которых принимаются решения, также порождающие риски.

Сделан вывод, что лишение человека религиозной морали, этнических ценностей его традиционной культуры, а также национального достоинства, все социальные пороки – алкоголизм, наркомания и сексуальная распущенность – стали связываться напрямую с экономической неэффективностью государства. Это очередной раз подтверждает ущербность современной цивилизации, когда решения духовных проблем общества связывают не с культурой, а с кризисом в экономике. Когда собственная культура уже не способна вдохновлять общество на высокие идеалы и цели, достойные усилий и жертв, банальная повседневность с ее утилитарными экономическими потребностями сама собой заполняет эту пустоту. В итоге дух буржуазного либерализма породил автономного от морали человека экономического, а политика европейских правительств в своем бессилии перед секуляризированной политической реальностью делает легитимными зло и пороки.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, излагаются основные выводы, подчеркивается теоретическая и практическая значимость работы. Намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии

1. Шаов А.А. Этническая идеология в традиционном обществе (социально-философский аспект). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. – 1,25 п.л.

2. Шаов А.А. Социокультурные параметры идентичности: этнические и конфессиональные параллели. Молодые голоса в науке. Выпуск шестнадцатый. – Майкоп: Ред.-изд. отдел АГУ, 2010. – 0,5 п.л.

3. Шаов А.А. Семья и семейные ценности в контексте цивилизационных моделей. Семья и брак в условиях модернизации российского общества. – Майкоп–Ростов н/Д.: Ред.-изд. отдел АГУ, 2010. – 1 п.л.

4. Шаов А.А. Человек экономический в идеологическом пространстве европейской культуры. – Майкоп: Изд-во «Аякс», 2011. – 16,25 п.л.
5. Шаов А.А., Нехай В.Н. Человек экономический в условиях глобализации. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 11 п.л.
6. Шаов А.А. Потенциал традиционной культуры в ситуации радикального модерна. Человек в модернизирующемся обществе: региональное измерение. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 1,25 п.л.
7. Шаов А.А. Homo oeconomicus: экзистенциальный аспект. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. – 0,7 п.л.

Статьи, тезисы в изданиях перечня ВАК Минобрнауки России

8. Шаов А.А. Этническая и религиозная идентичность: специфика взаимодействия. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Философия». – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – Вып. 3. – 0,5 п.л.
9. Шаов А.А. Реконструкция процесса становления и развития этнокультурного и этнорелигиозного мировоззрения адыгского этноса. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Философия». – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – Вып. 1. – 0,5 п.л.
10. Шаов А.А. Теоретические основания феномена идеология: социально-философский анализ. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Философия». – Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. – Вып. 1(74). – 0,5 п.л.
11. Шаов А.А. Человек экономический: аксиологическое измерение. Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – М.: Издательство МГОУ, 2011. – № 3. – 0,5 п.л.
12. Шаов А.А. Ссудный процент как идеологическая интенция капитализма. Вестник БашГУ. Серия «Философские науки». – Уфа: Издательство Башкирского государственного университета, 2011. – № 3. – 0,5 п.л.
13. Шаов А.А. Генезис дискурса экономоцентризма как парадигмальной установки. Социально-гуманитарные исследования. Серия «Философские науки». – Ростов н/Дону, 2011. – № 7. – 0,5 п.л.
14. Шаов А.А., Хунагов Р.Д. Генезис капитализма в социокультурном пространстве Западной Европы: аксиологическое измерение. Социально-гуманитарные исследования. Серия «Философские науки». – Ростов н/Дону, 2011. – № 11. – 0,5 п.л.
15. Шаов А.А., Ляужева С.А. История эволюции ростовщического капитала. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Философия». – Майкоп: Изд-во АГУ, 2012. – Вып. 1(74). – 0,5 п.л.
16. Шаов А.А. Теоретические основы формирования правовой системы в эпоху Средневековья: социально-философское измерение. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. Серия «Социология, Философия». – Санкт-Петербург, 2012. – № 3. – 0,5 п.л.

17. Шаов А.А. Дискурс телесности в культуре Средневековья и Нового времени. Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – М.: Издательство МГОУ, 2012. – № 3. – 0,5 п.л.

18. Шаов А.А. Методологические основания правовой системы в эпоху Средневековья. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Философия». – Майкоп: Изд-во АГУ, 2012. – Вып. 3(75). – 0.5 п.л.

19. Шаов А.А. Глобальный капитализм как фактор размывания национальной идентичности. Вестник МГТУ. Серия «Философские науки». – Майкоп.: Изд-во МГТУ, 2012. – Вып. 4(75). – 0,5 п.л.

20. Шаов А.А. Становление идеологии «человека экономического» в социокультурном пространстве европейской цивилизации. Социально-гуманитарные исследования. Серия «Философские науки». – Ростов н/Дону, 2012. – № 12. – 0,5 п.л.

Шаов Асфар Аскерович

**Человек экономический как идеальная модель личности:
становление и развитие в идеологическом пространстве
западноевропейского общества**

АВТОРЕФЕРАТ

Сдано в набор 17.09.2012 г. Подписано в печать 18.09.2012 г. Формат 60x84/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,7.

Тираж 100 экз. Заказ № 459. ООО «Качество»,
385000, г. Майкоп, ул. Крестьянская, 221/2, тел.: (8772) 57-09-92.

10^2